

количество диссонансных координат в пространстве психики определяет меру хаоса и соответственно потенциально возникновение нового порядка, т. е. развитие системы.

Выводы

Созданная математическая модель психосоциального диссонанса выступает как метод его численного определения позволяет оперировать данным конструктом как функциональной переменной. Предложенные аналитические записи психосоциального диссонанса (коэффициенты диссонанса и интегральный диссонанс) позволяют без набора статистической совокупности данных по психосоциальному диссонансу определить с требуемой достоверностью психосоциальный диссонанс субъектов в социальной группе или межгрупповой диссонанс в обществе только двумя показателями: средним значением и стандартным отклонением значений психосоциальных характеристик.

Понятие психосоциального диссонанса и его математическая модель позволяют расширить возможности исследований в разных областях гуманитарных наук.

Литература

- Буданов В. Г. Методология синергетики в постклассической науке и в образовании. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Васина В. В., Халитов Р. Г. Нелинейная модель психосоциального диссонанса – как характеристика взаимодействия личности, социальных групп, общества // Городское здравоохранение. 2009. № 2. С. 23–25.
- Емельянова Т. П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. С. 39–47.
- Налимов В. В. О возможности метафорического использования математических представлений в психологии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 3. С. 39–47.
- Трусов В. П. Социально-психологические исследования когнитивных процессов: По материалам зарубежных экспериментальных работ / Под ред. В. А. Ядова, Н. В. Кузьминой. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980.
- Халитов Р. Г. Нелинейная модель диссонанса в больших социальных группах // Казанский педагогический журнал. 2007. № 2 (50). С. 98–101.
- Халитов Р. Г., Юсупов И. М. Нелинейная модель психосоциального диссонанса // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2008. № 3. С. 140–148.
- Festinger L. A theory of cognitive dissonance. Stanford, 1957.

CASE STUDY КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Н. Е. Харламенкова

Институт психологии РАН (Москва)
nataly.kharlamenkova@gmail.com

Обсуждается проблема использования в психологии метода анализа единичного случая (case study). Анализируются различные подходы к пониманию метода, которые обосновывают его исходя из системы отношений единичное – всеобщее. Предлагается иное толкование

метода, которое становится возможным благодаря переходу к другой системе координат: явление–сущность.

Ключевые слова: единичное, всеобщее, уникальное, универсальное, индивидуальность, явление, сущность, психологические механизмы.

Постановка в науке проблемы диалектического единства всеобщего и единичного привела к необходимости решения ряда гносеологических вопросов, в частности проблемы метода исследования. Одним из таких решений стала идея В. Виндельбанда делить науки не по предмету, а по методу исследования (Фишер, 1863). В результате этого были выделены номотетический и идиографический методы, с помощью которых получают общее и универсальное представление об объекте исследования, с одной стороны, и уникальное, единичное, неповторимое знание – с другой. Именно с этого момента разделение единичного и всеобщего приобрело свою особую специфику, в которой единичное стало описываться не только в аспекте уникального, т. е. с точки зрения несоответствия общему, но и в аспекте всеобщего (универсального), т. е. с точки зрения степени соответствия ему. Важность этого уточнения заключается в том, что единичное перестало оцениваться как дискретная (прерывная) единица, прямо противоположная всеобщему.

Для психологии проблема ориентации на универсальное/уникальное знание была актуальна всегда, однако наиболее острый момент в ее обсуждении пришелся на конец первой – начало второй трети XX в. и, прежде всего, благодаря работам Гордона Оллпорта, для которого ее решение было сформулировано в виде основного положения разработанной им оригинальной теории личности. Оллпорт полагал, что его теорию черт можно рассматривать как «конкретно приложимую» к бесконечному разнообразию форм личностного существования и в то же время как достаточно абстрактную, основанную на общепсихологических закономерностях. При этом он утверждал, что исследователь-психолог пользуется и номотетическим, и идиографическим методом. Дискуссия по поводу применимости той или иной исследовательской стратегии ведется в психологии до сих пор. По мнению Е. Е. Соколовой, в этом вопросе основными противниками выступают «естественники» и «гуманитарии». Естественно-научное направление в психологии ориентировано на поиск причинно-следственных зависимостей и установление объективных закономерностей, отдавая предпочтение номотетическому методу (Соколова, 1994). Гуманитарная парадигма переносит акцент исследования на человека как «духовно свободную личность» и основывается на идее целевого детерминизма, используя идиографические техники. Несмотря на различия в позициях, каждая из альтернатив не может обойтись без того материала, который ею фактически табуирован: естественно-научная – без анализа единичных случаев, а гуманитарная – без проведения обобщений и установления зависимостей. Только в этом случае противостояние подходов оправдано, конструктивно и имеет смысл.

Взаимное пересечение двух направлений обнаруживает себя в указанном нами выше недизъюнктивном характере единичного, которое в таких случаях обозначается термином *индивидуальное*. Дискретность же единичного чаще всего связана с применением другого термина – *уникальное*, тогда противостояние естественно-научной и гуманитарной парадигм в психологии ощущается как наиболее значительное и весьма деструктивное. Подчеркивая важность понимания единичного именно в аспекте индивидуального, С. Л. Рубинштейн считал, что «свойства личности никак не сводятся к ее индивидуальным особенностям. Они включают и общее,

и особенное, и единичное. Личность тем значительнее, чем больше в индивидуальном преломлении в ней представлено всеобщее» (Рубинштейн, 1959, с. 119).

Анализ проблемы «единичное – всеобщее» на методологическом и теоретическом уровнях исследования привел к появлению группы конкретных методов, которая была обозначена термином *case study*, или методом анализа единичного случая. Анализ единичного случая как метод относится к классу исследовательских процедур, которые включают в себя приемы оценивания и сравнения индивидуальных признаков конкретной личности с показателями «нормативных контрольных групп» (Корнилов, Корнилова, 1998). Вследствие этого реализуется один из вариантов номотетического метода, а феномен «единичности случая» теряет свою специфику, т. е. индивидуальный характер.

Поиск новых обоснований метода «*case study*» требует сопоставления разных взглядов на его применимость. Традиционная позиция состоит в следующем понимании метода: 1) как процедуры индивидуального тестирования одного испытуемого; 2) как приема анализа клинического случая в патопсихологии; 3) как доэкспериментального плана эмпирического исследования; 4) как любого отклонения от среднего, часто называемого термином «выброс». В ходе обсуждения функциональной направленности метода (И. О. Александров, Н. Е. Максимова, Н. Е. Харламенкова) было показано, что единичный случай – это вопрос процессуального характера, лишь частично ориентированный на результаты оценки, т. е. на сравнение индивидуальных данных с нормативными показателями. На самом деле «единичность» отдельного случая проявляется до начала его опознания как «одного из многих» случаев и представляет собой либо 1) определенный этап в индивидуальном обследовании конкретной личности, на котором выявленные признаки пока еще не сопоставлены с эталонными и нормативными данными, либо 2) действительно уникальное явление, которое, благодаря умелости ученого его обнаружить, привело к открытию нового в исследуемой области знания.

На основе проведенного анализа состояния проблемы «*case study*» можно выделить две модели, на которые соответственно ориентированы два типа исследователей, работающих с этим методом. Первая модель реализует такой подход, благодаря которому единичное сводится к общему. Исследователь подтверждает свою гипотезу о том, что конкретный индивид принадлежит к группе нормы. В данном случае единичность обнаруживает себя только на этапе сбора данных, когда сопоставление с нормативными показателями еще не проведено. Единичное тяготеет к универсальному и становится его подтверждением и воплощением: модель «единичное → общее».

Вторая модель реализует иной подход. В нем единичное интерпретируется как то, что нельзя отнести к общему. Исследователь опровергает гипотезу о принадлежности индивида к группе нормы. Единичность обнаруживается не только на этапе сбора данных, но и в результате сравнения конкретных показателей с нормативными. Единичное обнаруживает себя как такое необщее, которое еще не описано в терминах универсального и поэтому оценивается как уникальное: модель «единичное → уникальное».

Основная проблема заключается в том, что обе модели существуют независимо друг от друга и привлекаются исследователями обеих конфликтующих парадигм – естественно-научной (номотетический метод и модель «единичное → общее») и гуманитарной (идиографический метод и модель «уникальное – единичное»). Во многом рассогласование в понимании метода единичного случая вызвано тем,

что он рассматривается только с точки зрения *способа* сбора данных, где термином «единичное» обозначают отдельный объект исследования, отдельного человека.

Современный взгляд на метод «case study» позволяет провести границы между *способом* организации сбора данных (индивидуальным или групповым) и *направленностью* отдельных исследовательских приемов. С нашей точки зрения, метод «case study» применяется с целью изменения позиции экспериментатора, который, получив необходимую и достаточную информацию о *проявлениях* изучаемого феномена, стремится раскрыть психологические механизмы, обеспечивающие особый статус этого явления в системе других явлений, раскрыть его сущность. Именно поэтому метод единичного случая следует рассматривать не столько в координатах *единичное–всеобщее*, как это принято обычно, сколько в координатах *явление–сущность*.

Для более строгого изложения собственной точки зрения следует представить соответствующую (третью) модель метода единичного случая, в которой термин «единичное» заменен термином «индивидуальное». Суть этой модели состоит в том, что она учитывает оба полюса сравнения – уникальное и универсальное и схематически выглядит так: модель «уникальное – индивидуальное – универсальное».

Индивидуальное в этой модели является той недизъюнктивной единичностью, которая представлена множеством конкретных случаев, распределенных в пространстве признаков, от уникального до универсального. Продолжая анализ предложенной нами модели, сразу же отметим, что она обладает определенными недостатками. Наиболее существенное ограничение модели состоит в ее эклектичности, которая обнаруживается в соединении дискретных (уникальное и универсальное) и непрерывных (индивидуальность) величин. Мы говорим о дискретности универсального, имея в виду необходимую и достаточную, а значит, ограниченную совокупность признаков, описывающую «общее», и о прерывности уникального, полагая, что оно включает в себя множество отдельных единичных случаев, расположенных непоследовательно. Существенное отличие этой модели от двух предыдущих состоит в том, что в ней устранен традиционный для философии контраст между единичным и универсальным и привычный для психологии разрыв между единичным и уникальным. Однако при всей существенности внесенных изменений модель «уникальное – индивидуальное – универсальное» можно использовать только как промежуточный вариант между двумя первыми и новой моделью, в которой представление о методе единичного случая претерпело принципиальные качественные изменения.

Новая модель метода единичного случая строится на иных, по сравнению с предыдущими схемами, основаниях. Первые три модели возникли в логике дихотомии единичное–всеобщее. Новая модель создается в пространстве проблемы явление–сущность.

Обычно под сущностью понимают действительное содержание предмета, постижение которого составляет задачу науки (Философская энциклопедия, 1970). «*Сущность* – это относительно устойчивая совокупность наиболее глубоких, внутренних свойств, связей и отношений предмета, его происхождение, характер и направление развития и являющаяся основой различных внешних явлений, за которыми она скрыта и в которых проявляется» (Никитин, 1961, с. 4). В отличие от сущности явление познается эмпирическим путем, составляет основу чувственного опыта и экстенсивно. «Явление – это подвижная, сравнительно легко изменяющаяся совокупность многообразных, внешних, непосредственно открытых чувствам

свойств, связей и отношений предмета, представляющая собой способ проявления, обнаружения сущности» (там же, с. 4).

В истории философии обсуждение проблемы объективности сущности и явления было одним из предметов спора между различными философскими течениями. Выделяются три линии идеалистического толкования сущности и явления. Первая утверждает идеальность сущности и материальность явления (Платон, Гегель), вторая понимает сущность как объективное, независящее от человека, а явление как субъективное событие (Кант), третья объявляет явление и сущность субъективными (прагматизм, неопозитивизм).

При обсуждении взаимосвязи сущности и явления не менее важным вопросом остается проблема их соотношения. В литературе называется несколько противоречий, возникающих между данными категориями. Это, прежде всего, определяющий характер сущности и определяемый характер явления; завуалированность сущности и непосредственность явления; интенсивность (глубина) сущности и экстенсивность (широта) явления; единообразие сущности и многообразие явлений. Несовпадение сущности и явления возникает вследствие разной по глубине и сложности познаваемости каждого из них. Явления как внешние, наблюдаемые или легко выявляемые особенности объекта исследования могут быть достаточно быстро измерены; определение сущности требует иного подхода, в первую очередь умения правильно строить рассуждения относительно связи между совокупностью явлений и самой сущностью предмета. Иными словами, «отделение форм проявления от внутреннего содержания, от сущности есть результат истории противоречий самой сущности. Совпадение, тождество сущности и явления достигается лишь через опосредование сущностного содержания, через анализ промежуточных звеньев» (Философская энциклопедия, 1970, с. 169).

Возвращаясь к последней модели метода единичного случая, следует подчеркнуть, что применяемый в разных науках и в психологии, в частности, подход может быть полезен на всех этапах изучения объекта исследования. На начальном этапе анализ единичного случая служит отправной точкой в формулировке проблемы и вытекающих из нее гипотез, хотя при этом велика опасность подмены гипотетико-дедуктивного вывода индуктивным и значительна угроза внутренней и внешней валидности исследования. На более поздних этапах исследования метод единичного случая служит для выявления сущностных свойств изучаемого предмета, для изменения стратегии научного анализа, т. е. для перехода от внешних проявлений к внутренним механизмам, от изучения функциональных к структурно-генетическим особенностям объекта исследования.

Схема предлагаемой нами последней модели метода единичного случая включает в себя множество проявлений изучаемого конструкта. Они (через обобщение) организуются в уровневую структуру индивидуальности, выражая сущностные особенности предмета исследования: «совокупность явлений → индивидуальность → сущность». В рамках этой модели метод анализа единичного случая применяется для выявления психологических механизмов, с помощью которых исследователь может осуществить переход от совокупности наблюдаемых явлений к системе, называемой индивидуальностью, а от нее (также посредством психологических механизмов иного уровня) – к сущности предмета исследования.

Подводя итоги, следует сказать, что различия в понимании «case study» были продемонстрированы на уровне теоретического анализа альтернативных позиций (моделей): 1) доказательства универсальности единичного (1 модель); 2) поис-

ка уникальности единичного (2 модель); 3) объединения первых двух моделей (3 модель) и 4) раскрытия глубинных сущностных особенностей предмета исследования (4 модель). Последняя модель рассматривается нами как наиболее предпочтительная, поскольку позволяет понять, что функциональные возможности метода единичного случая гораздо шире тех, которые ему обычно приписывают. Задача применения метода состоит в том, чтобы перейти от иллюстрации общей закономерности, с одной стороны, от поиска уникальных объектов, с другой, к такой организации исследования, которая позволит раскрыть сущность изучаемых теоретических конструктов.

Литература

- Брушлинский А. В.* О категориях непрерывное и прерывное, качество и количество в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии / Отв. ред. Л. И. Анцыферова. М.: Наука, 1988. С. 120–137.
- Корнилов А. П., Корнилова Т. В.* Специфика патопсихологического эксперимента как метода «анализ единичного случая» // Методы исследования в психологии: квазиэксперимент: Учеб. пособие для вузов. М.: Издат. группа «Форум»–«Инфра-М», 1998. С. 138–171.
- Никитин Е. П.* Сущность и явление. М.: Знание, 1961.
- Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
- Соколова Е. Е.* Тринадцать диалогов о психологии. М.: Смысл, 1994.
- Философская энциклопедия / Под ред. Ф. В. Константинова и др. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962.
- Философская энциклопедия / Под ред. Ф. В. Константинова и др. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1970.
- Фишер К.* История новой философии. СПб., 1863.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДЕВУШЕК НЕТРАДИЦИОННОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

А. В. Христенко

Волжский Гуманитарный институт (Филиал) ГОУ ВПО
«Волгоградский государственный университет» (Волжский)
son1322@mail.ru

В данной работе рассматриваются психологические особенности девушек нетрадиционной сексуальной ориентации, исследуется социальная ситуация развития, предлагается типология психологических причин женской нетрадиционной сексуальной ориентации, приводятся результаты пилотажного исследования по данной форме сексуальной ориентации.

Ключевые слова: нетрадиционная сексуальная ориентация, гомосексуализм, лесбиянство, половая идентичность.

В нашей стране отношение к полу и сексуальности на протяжении долгого времени было неоднозначным. Совсем недавно ученые стали говорить на «запретные» темы открыто. Проблемы нетрадиционной сексуальной ориентации никогда